

Одна свадебная пирушка, пусть и с хорошим мясом и вином, могла развеселить жителей деревни у залива всего на пару-тройку дней, не больше. После этого всё снова вошло в привычное русло.

В самом конце седьмого месяца жара уже отступила, сезон лова медуз в Байшуйском заливе подошёл к концу. Осенние медузы, хоть и допустимы к вылову, но на вкус всё же уступают летним, да и цена на них заметно ниже. Потому всё зависело от выбора каждого — кто-то, как и прежде, продолжал выходить в море за медузами, а кто-то решил, что не стоит тратить силы впустую. В клане Чжун, например, больше не собирались ловить их общим промыслом, кто хочет, пусть сам ищет себе товарищей по сети.

В этой ситуации Чжун Мин оказался первым, кто открыто заявил, что больше не выйдет на медузу. Не потому что ленив или стремится увильнуть от работы, просто у него нашлось другое, куда более прибыльное дело. Спустя всего пару дней после свадьбы подошло время снова везти креветочный соус в ресторан. Су И заранее приготовил две глиняные кадки: одну отложил для управляющего Синя, а вторую решил продать на уездном рынке.

Разумеется, Чжун Мин намеревался поехать с ним. Выйти торговать месте с супругом - что может быть интереснее?

Ради этого он с самого утра спустился к морю, сделал круг по знакомым местам, но ничего стоящего не увидел, всего пара мелких рыбёшек и креветок. Для человека, который знал толк в настоящей добыче, это не стоило даже усилий.

Сорвав несколько улиток «генеральский шлем» с прибрежных камней — родственников абалона, но мельче, с гладкой безузорной раковиной, наполовину похожей на крупную морскую мидию, Чжун Мин решил, что продавать их смысла нет. Если только не собирать их несколько дней подряд, толку с них немного, веса не наберётся. Он прикинул, что лучше оставить их для собственного стола.

Потуже затянув устье сетки, он развернулся и выковырял из песка несколько крабов-пестряков. Один из них отбежал подальше, оказался проворнее и быстро скрылся по течению, оставив за собой лишь слабую рябь на воде.

Поводя железными граблями по дну, он наскреб немного белых ракушек и морских улиток, а заодно нашёл пару особенно ярких каури — блестящих, гладких, с разнообразными узорами и расцветками. Эти ракушки в пищу не шли, зато часто становились игрушками для прибрежных детей. А если попадалась особенно крупная и красивая, её могли даже выкупить скупщики, чтобы потом сделать из неё сувенир.

Раньше такие находки Чжун Мин оставлял для Чжун Ханя. Теперь же, с появлением супруга, он не был уверен, нравятся ли Су И такие безделицы, и потому не спеша насобирав несколько штук разного размера на всякий случай.

За исключением охоты за каури, сегодняшний день под водой выдался довольно скучным.

Чжун Мин глядел на пёстрых рыбок, спящих среди коралловых рифов, и прикидывал, что стоило бы в другой раз уйти подальше в море, там нырнуть, может, будет интереснее.

Раньше он так не делал, потому что лодку нельзя было оставлять без рулевого. А теперь, когда рядом Су И, он вполне мог брать супруга с собой в море, прихватывая и младшего брата, больше не нужно будет каждый раз отдавать его на попечение второй тётки.

С этими приятными мыслями Чжун Мин собирался уже выбираться на берег, как вдруг заметил тонкую рыбину, похожую на палочку для еды, резко выскользнувшую из песка. Всё тело её было покрыто пёстрыми крапинами.

Он сразу узнал песчаного угря.

Песчаные угри обычно живут группами: если показался один, значит, рядом есть и другие. Но они чрезвычайно пугливы, возможно, звуки, которые он издавал под водой, уже распугали большую часть стайки, заставив их зарыться обратно в песок.

Рыба - она такая: плывёт за течением, сегодня здесь, завтра там, не угадаешь. А ведь он не раз бывал в этих водах, и всё же сегодня впервые увидел целую группу песчаных угрей. Если удастся выловить хотя бы несколько, как вялеными, так и свежими их продать можно будет за хорошую цену. В отличие от обычной мелочи, которую приходится тащить сетью, такая рыба и в одиночку стоит дорого.

Чжун Мин осторожно сделал круг по морскому дну, пару раз поднялся выше, после чего вновь опустил взгляд вниз. Сначала в поле зрения оставался лишь тот самый первый песчаный угорь, что он заметил раньше. Но спустя несколько вдохов гравий вокруг начал слегка колыхаться, и один за другим из песка, точно побеги бамбука после дождя, начали выныривать другие угри.

Он примерно запомнил места, где показывались рыбины, всплыл на поверхность за глотком воздуха, а затем снова нырнул, подобрав удобный момент. При его приближении угри испугались и по очереди спрятали головы обратно в песок, но Чжун Лян не спешил, неторопливо затаился поблизости.

Ума у угря немного, не иначе. Постояв зарытыми в песке и решив, что опасность миновала, они вновь начали по одному выглядывать наружу.

И именно этого Чжун Мин и ждал.

Один, второй, третий...

Как только чья-нибудь голова показывалась из песка, он тут же стремительно бросался вперёд, хватал угря рукой и с силой швырял в сетку. Рыбий хвост взбивал песок, вода мутнела, и Чжун Мин, пользуясь этим, таким способом выловил семь-восемь штук. Рука уже начала уставать, а

когда вокруг стало совсем тихо, он сунул руку в песок, нащупал нечто мягкое, вытащил и увидел дохлого угря, безвольно болтающегося в пальцах.

Чжун Мин вдруг вспомнил, как третий дядя рассказывал, что эти «палочкообразные» рыбы, живущие в песке, отличаются пугливым нравом, совсем не такие, как некоторые виды хищных угрей, что могут запросто укусить человека. В дальнем море, к примеру, водится вид по прозвищу «собачья голова» - угорь, который по уровню опасности ничем не уступает акуле.

Песчаные угри же совсем иные: зачастую ещё на полпути, поднимаясь вместе с рыболовной сетью, умирают от испуга. Вот почему на рынке почти невозможно найти их живыми.

Раньше Чжун Мин думал, что всему виной резкий подъём сетей и внезапный выход из воды, что пугает угрей до смерти. Но теперь, наблюдая за ними в воде, он понял: достаточно увидеть, как хватают сородича, и испуг способен их убить.

У него вдруг мелькнула мысль: он достал железные грабли и начал яростно стучать ими по песку, надеясь, что рыбы испугаются и начнут выплывать. Однако ожидаемой картины, где угри массово покидают свои укрытия, не случилось, вместо этого песок лишь подрагивал, как будто что-то ворочалось под ним.

Он направил грабли туда, где происходило движение, и, проведя ими несколько раз, каждый раз вытаскивал по дохлому угрю.

...Неужели и вправду так просто?

После этого Чжун Мин практически ничем больше не занимался, лишь продолжал всеми способами пугать песчаных угрей, а затем собирать тела из песка. Он так увлёкся этим занятием, что чуть не забыл про воздух, только когда лёгкие начали гореть, он резко рванулся вверх и, всплыв, с шумом вдохнул несколько раз.

Проведя долгое время в воде, Чжун Мин начал ощущать холод в конечностях. Вдобавок к этому вокруг всё ещё плавали угри, и он, поколебавшись немного, решил не погружаться вновь. К тому же, и без того сетка уже была набита доверху, этого улова вполне хватало, чтобы сегодня немного подзаработать. А оставшиеся в море дохлые угри не пропадут даром: рано или поздно их отыщет какая-нибудь крупная рыба или морская черепаха и съест.

В это время Су И на палубе разворачивал на солнце раковины для сушки.

С тех пор как он перебрался к Чжун Мину, заметил: тот совсем не имеет привычки заготавливать сушёные морепродукты. Раньше всё шло на продажу. А в понимании Су И, если человек живёт на лодке, лодка - в море, то сушка даров моря, это не только запас продовольствия, но и стабильный доход.

Он понимал, что Чжун Мин, скорее всего, просто считал это делом хлопотным. Сушёные продукты - дело трудоёмкое: мало просто вытащить моллюсков и вывалить на бамбуковое сито. Да и выход сушки ничтожен, из двух цзиней свежего продукта едва ли получится один цзинь сухого. Надо трудиться с начала года до самого конца, чтобы накопить пару мешков, которые можно будет продать перекупщикам за копейки.

Чжун Мин был мужчина с головой, не следовало бы ему тратить своё время на такую мелочь. Но раз теперь рядом был он, Су И, значит, этим займётся он сам. Он труда не боялся, напротив, больше страшился остаться без дела. За одно утро ему удалось подготовить целое сито — аккуратно разложив на нём раковины, он только-только закончил выравнивать их, как Чжун Мин уже вернулся.

— Почему это ты такой бледный? — встревоженно спросил Су И, подбегая навстречу. — Сколько раз ты нырял? Быстро вытри волосы, я сейчас налью тебе чашку имбирного отвара.

Заметив, что губы у Чжун Мина совсем утратили прежний здоровый цвет, он понял: тот провёл в море слишком много времени. Не теряя ни секунды, он протянул заранее приготовленное большое полотенце, а сам повернулся к очагу проверить, не остыл ли отвар из имбиря, сваренный заранее.

После окончания летней жары вода в море становилась холодной и легко могла пробраться до костей. А Чжун Мин из-за того, что мог долго задерживать дыхание, нередко задерживался под водой дольше прочих. Су И не разбирался в морском деле, но твёрдо знал одно: от переохлаждения одни беды, а имбирный отвар помогает прогнать холод и согреть внутренности, чем больше выпьешь, тем лучше.

Раньше, когда Чжун Мин нырял один, он возвращался один, волосы вытирал кое-как, чуть отсортирует улов, и сразу к пристани. Где там об отваре думать. А теперь всё иначе: всё готово, стоит только открыть рот, и горячее питьё тут же окажется в руках.

Честно говоря, он не любил этот отвар. Он был едкий, жгучий, с первого глотка будто всё внутри огнём похало. Но раз его приготовил супруг, значит, сколько нальёт - столько он и выпьет.

Сделав несколько больших глотков, он допил отвар до дна, после чего поморщился и высунул язык, чтобы охладить обожжённое небо.

— Ох... Есть вода? Я бы запил пару глотков. Почему он сегодня ещё более жгучий, чем раньше?

— Это из старого имбиря, — сдержанно улыбнулся Су И. — Чем острее, тем быстрее выгоняет холод. Так что это только к лучшему.

Су И подал ему чашку воды, но Чжун Мин, выпив её до капли, всё равно не мог унять жжение в

горле. Он дважды кашлянул, а спустя немного времени действительно почувствовал, как тепло разлилось по спине и ступням.

— А ты посмотри, и правда помогает, — удивлённо сказал он.

Полотенце в его руках растрепало волосы во все стороны, но он и не думал заботиться о причёске. Спустя какое-то время из-под полотенца показалось улыбающееся лицо - он глянул на Су И и с довольным видом проговорил:

— Сегодня дважды нырял. Добыл одну стоящую штуку, иди скорее посмотри.

Речь, конечно, шла о целом ведре песчаных угрей, свернувшихся внутри как серые верёвки - с виду настоящие водяные змеи. Чжун Хань взял веточку и несмело потыкал в них, а потом скривился, будто и боялся, и хотел получше разглядеть.

— Невестка, а чего они не двигаются?

— Все уже мертвы, — спокойно объяснил Су И. — Эти угри пугливые, стоит им вынырнуть, и сразудохнут со страху.

Он слегка покачал ведро и увидел, что угрей там и впрямь много. Додо встал на задние лапы, облокотился на край ведра и, словно играясь, лапкой то и дело тыкал в рыбу.

— Где ты их столько поймал? Обычно и сетью-то столько не вытащишь.

Над головой вдруг стало темнее, и Су И, задрвав голову, увидел, как Чжун Мин склонился над ним сзади. Мужчина был широкоплеч и высок, и в одно мгновение заслонил добрую половину света. Капли воды стекали по линии его подбородка, и одна из них с плеском упала прямо на нос Су И.

Сопровождая тихим смешком, Чжун Мин протянул руку и стёр каплю с лица гера, затем сел рядом, скрестив ноги, и начал рассказывать, как на дне моря наткнулся на угрей, которые в страхе один за другим умирали прямо у него на глазах.

— Теперь и я поумнел, — заключил он с лёгкой усмешкой. — В следующий раз, как снова наткнусь на гнездо угрей, сделаю всё точно так же.

Су И и Чжун Хань слушали, раскрыв рты. Угрей им уже доводилось видеть, ловили и сетями, и находили в иле во время отлива, когда вода выносила их на берег. Угри зарывались обратно, полагаясь на инстинкт, но как они живут в глубине моря, они до сих пор не знали.

— В морской глубине, оказывается, столько интересного, куда интереснее, чем просто сеть в

воду бросить, — задумчиво сказал Чжун Хань.

Су И, прислушавшись, с тихим восхищением сказал:

— Теперь я понимаю, почему ты раньше не любил обычную ловлю в открытом море.

На фоне того, что Чжун Мин мог видеть и переживать на дне, жизнь на поверхности действительно казалась куда более однообразной.

— Раньше, может, и так, — ответил Чжун Мин, глядя на него, — но теперь мне нужно содержать семью.

Он задержал взгляд на Су И и добавил с мягкой улыбкой:

— Но всё же я рад, что ты так хорошо понимаешь, что у меня на сердце.

— Кхм, Сяо Цзай ведь рядом...

Для Су И и так уже было неудобно слышать такие слова из уст Чжун Мина. Бедняки живут, с утра до ночи сражаясь за кусок хлеба, где уж им до нежностей, кто бы из них позволял себе такие сладкие речи вслух?

— Невестка, ты меня звал? — Чжун Хань, наигравшись с угрями, перешёл к другому ведру, разыскивая, что там есть интересного. Услышав своё имя, он с недоумением поднял голову.

— Не звал, продолжай играть, — поспешно откликнулся Су И, голос у него прозвучал с лёгким смущением. Следом послышался сдержанный смех Чжун Мина, тихий, будто нарочно, чтобы подразнить супруга.

Но уже пора приниматься за дело: нужно было готовиться к походу в уезд. Чжун Хань тут же начал канючить, что хочет с ними, и Чжун Мин, немного подумав, позволил ему идти - лишнее знакомство с уездом только на пользу.

Нынче не так уж много вещей нужно было отнести на продажу, и к тому же они были не тяжёлые, так что носилки не понадобились. Чжун Мин просто взял плетённый заплечный короб, куда уложил две банки креветочной пасты, чтобы нести за Су И, а ведро с угрями понёс в руке.

«Шлемы генерала» и несколько красивых ракушек оставили себе, а цветных крабов сложили в сетчатый мешок, и тот достался Су И.

Додо тоже увязался следом - увидел, что все выходят, и соскочил с лодки, пробежался вместе с

ними до половины пути, где им повстречались Да-хуа и Эр-хуа, кошки из семьи третьего дяди Чжуна. Три хвоста сошлись в кучу, устроили возню, прыгали и катались в траве. Чжун Хань успел крикнуть Додо, чтобы тот больше не шёл за ними. Похоже, тот понял: мигом пустился с Да-хуа и Эр-хуа в весёлую погоню, и вскоре котов уже не было видно.

На причале в уезде Цинпу, как всегда, было людно. У самого прохода по-прежнему стоял мелкий чиновник, собирающий пошлину с торговцев. Чжун Мин не изменился в лице, спокойно отдал пять вэнь.

Чиновник взглянул на него, потом на Су И, и кивнул подбородком в сторону последнего:

— А он как?

Он узнал Су И - тот частенько приходил сюда торговать креветочной пастой, дело шло у него бойко.

— Мы вместе, он мой супруг, — без промедления ответил Чжун Мин, не двинувшись с места.

Чиновник аж поперхнулся:

— Да с каких это пор? Совсем недавно он сам платил медяшку!

— Прошу достопочтенного разузнать, — Чжун Мин говорил спокойно. — Мы с ним два дня назад справили свадьбу. Любой в Байшуйао подтвердит.

Тут из очереди и вправду кто-то отозвался, подтверждая:

— Верно-верно, господин, они теперь одна семья!

Мелкий чиновник, однако, не унимался. Осмотрев Су И с головы до ног, неожиданно сказал:

— А ну, позови его. Хочу послушать.

Слова его прозвучали грубовато, почти дерзко. Чжун Мин нахмурился, уже собираясь открыть рот, но тут почувствовал, как его ладонь вдруг охватило прохладное, нежное прикосновение. Он опустил взгляд: Су И сжал его руку и едва заметно покачал головой. Для людей с воды даже такой мелкий чиновник всё же считался «господином», и просьба его, при всей своей бестактности, не выходила за дозволенные рамки. Су И не хотел, чтобы Чжун Мин из-за него вступал в конфликт.

— Господин, он и вправду мой муж, — спокойно и отчетливо произнёс он, прочистив горло.

— А этот мальчишка?

— Это наш младший, брат моего супруга, — ответил Су И, указывая на Чжун Ханя.

Чиновник скривил губы, но наконец отвёл взгляд, уставился в список в руках, махнул резко рукой:

— Проходите! Следующий!

Преодолев эту преграду, Чжун Мин освободил одну руку, чтобы приобнять Су И за спину, направляя вперёд. Тот одной рукой держал крабов, другой крепко вёл за собой Чжун Ханя. По пути они миновали двоих мужчин, уже заплативших пошлину и теперь суетливо раскладывавших товар. Один из них обернулся и негромко сказал другому:

— Слышал, что ли? Говорят, на рынке налог опять поднимут.

Су И чуть повернул голову, молча наострив уши.